

A54293

СВЕРЯ
ЮГЪ

И ТАРАЗИНЪ

Съ Сѣвера на Югъ.

Путевыя Воспоминанія Старого Журавля.

Н. Н. Каразина.

Иллюстрировано
авторомъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

6 хромофотографій, 5 гравюръ и 99 рисунковъ въ текстѣ.

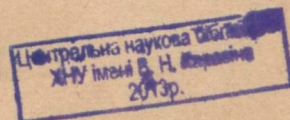
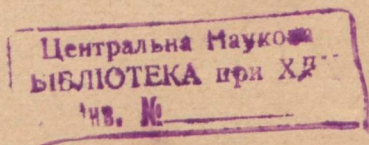
А54293

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою 28 Іюля 1899 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бвинке, Новый переулокъ № 2.

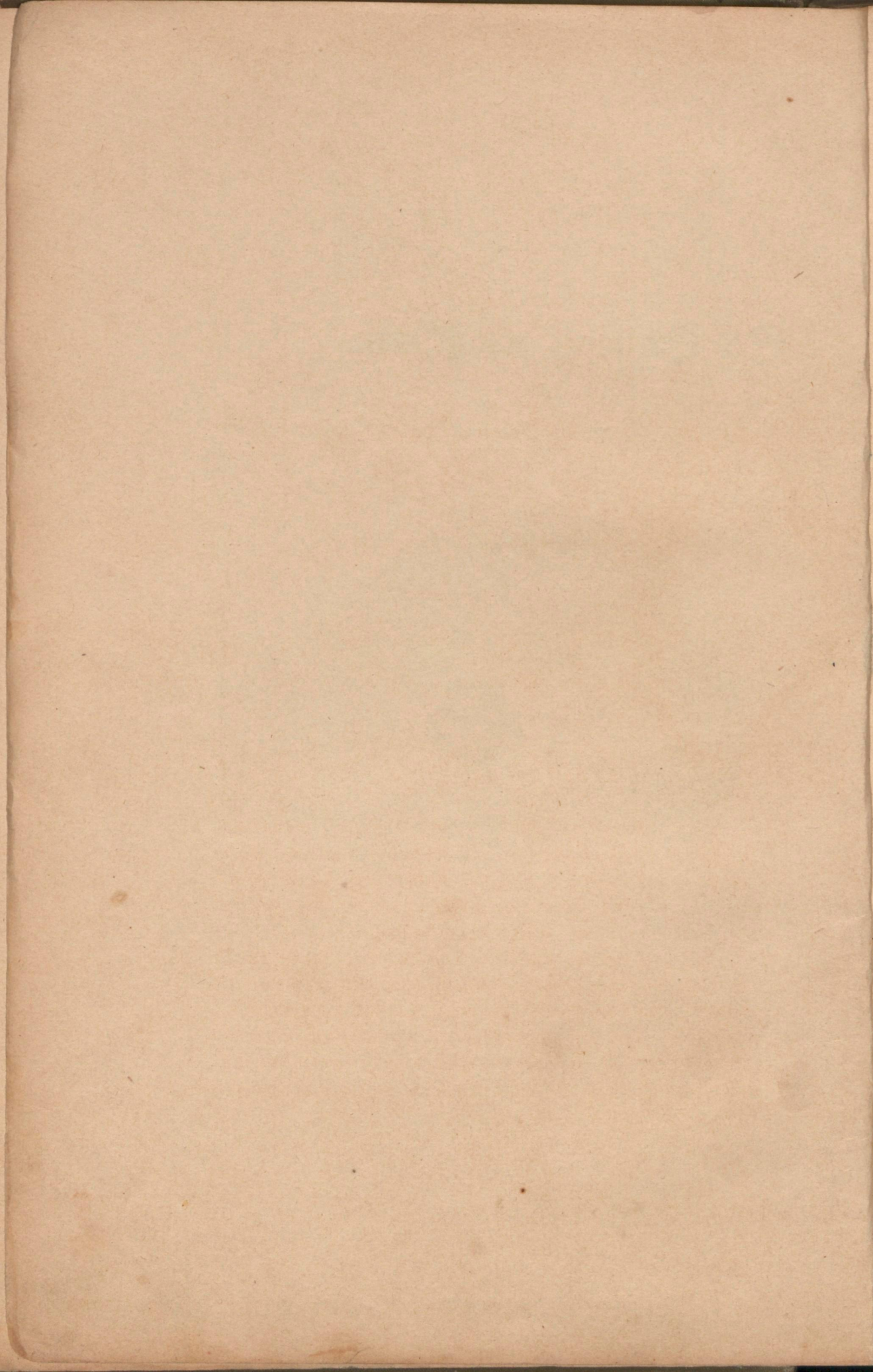

От Сѣвера на Югъ.

Путевыя воспоминанія стараго журавля.

Н. Н. Каразина.

I.

Богъ наградила меня очень хорошою памятью. Я помню себя и все, что меня окружало, почти съ перваго дня моего рожденія, — и теперь хочу подѣлиться съ вами, долгоносые и коротконосые друзья мои, кое-чѣмъ изъ моихъ воспоминаній.

Насъ въ семьѣ, кромѣ отца и матери, было двое. Въ благородныхъ журавлиныхъ семьяхъ иначе и не бываетъ. Я и моя сестра — родились въ одинъ часъ, и я даже очень хорошо помню осколки скорлупы зеленоватыхъ, испещренныхъ коричневыми пятнышками яицъ, валявшіяся, до поры-до-времени, на днѣ нашего гнѣзда-логовища.

Когда я впервые проглянулъ на свѣтъ, я былъ очень озадаченъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою и ровно ничего не понималъ изъ всего видѣннаго, но скоро — и личный опытъ, и мудрые совѣты родителей заставили меня понимать все окружающее, какъ слѣдуетъ всякой порядочной птицѣ, занимающей въ нашемъ царствѣ пернатыхъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ, особенно, если стоишь во весь ростъ, да при томъ еще на пухлой, болотной кочкѣ.

Часъ нашего появленія на свѣтъ Божій былъ ранній, утренній. Солнце еще не всходило, но уже золотистый отблескъ озарялъ густой, ночной туманъ, сплошною пеленою стлавшійся надъ топкимъ болотомъ, окраину котораго заселяло десятка два сродственныхъ намъ журавлиныхъ семей.

Общая картина мѣстности сначала показалась мнѣ не очень-то приглядною, да къ тому-же я чувствовалъ

пренепрятный, рѣзкій холодъ, и, поневолѣ, пожалѣлъ о своей прежней, тепленькой, хотя уже черезчуръ тѣсной и темной квартиркѣ, свѣжія осколки которой, еще мокрая, валялись подъ нашими слабыми ножками.

Я видѣлъ только ближайшія мохнатая кочки, нѣсколько жиденькихъ кустиковъ лозняка, кое-гдѣ въ туманѣ свѣтилась вода — и больше ничего... Только надъ головою, очень ужъ высоко, разбѣгались вѣтромъ красивыя, золотыя, подрумяненные снизу, легкія облака и тамъ, какъ мнѣ казалась, именно въ этихъ облакахъ, весело чирикали и посвистывали маленькія, незнакомыя птички.

Но очень скоро показалось солнце, стало замѣтно теплѣе, и весь туманъ, почти разомъ поднялся и безъ слѣда разсѣялся въ согрѣтомъ воздухѣ. Тогда я просто пискнулъ во все горло отъ восторга, отъ какого-то небывалаго, неиспытаннаго еще чувства восхищенія... Такъ хорошо, такъ величественно, такъ ново было то, что развернулось передъ моими глазами.

Это была чудная, сливающаяся во всѣ стороны съ горизонтомъ, равнина, усѣянная кочками всевозможныхъ размѣровъ... и какими кочками! То покрытыми свѣжими, зелеными побѣгами камыша и осоки, то спрятавшимися подъ бурымъ и красноватымъ, бархатистымъ мохомъ, то, какъ кружевами, оплетенныя причудливыми, ползучими растеніями, усѣянными голубыми, бѣлыми и желтыми цвѣточками. Мѣстами сверкали тонкія струйки воды, но мѣстами, словно зеркало въ узорныхъ рамахъ, стояли цѣлыя озера, особенно одно, довольно далеко впрочемъ отъ нашего гнѣзда, было такъ громадно, что я, какъ ни шурился, не могъ разглядѣть противоположнаго берега.

По небу теперь уже плавно плыли большія бѣлыя облака, и въ озерѣ эти облака также плыли, также сливаясь одно съ другимъ, также мѣняя свои причудливыя, округленныя формы. Въ воздухѣ, и въ одиночку, и по-парно, и цѣлыми крикливыми стаями летали разныя птицы — и въ озерѣ тоже... казалось даже, что рѣзкіе крики этихъ птицъ одинаково повторялись ихъ отраженіями.

Отца не было дома; онъ уже улетѣлъ спозаранку, какъ я послѣ узналъ, на охоту, но мамаша была съ нами и заботливымъ клювомъ почистила нашъ желтенькій пушечъ и даже расправила поочередно наши еще безперыя, крохотныя крыльца, годившіяся пока намъ развѣ только для того, чтобы выражать свой восторгъ передъ этими истинными чудесами невиданной природы.

— Однако довольно вамъ зѣвать по сторонамъ! обратилась она къ намъ. — Теперь вѣдь вы, мои милые карапузы, не въ яичныхъ колыбелькахъ, у васъ нѣтъ готоваго провіанта подъ носомъ и надо самимъ заботиться чѣмъ-бы набить ваши прожорливые желудки.

Едва только она заговорила о сѣстномъ, какъ я почувствовалъ необыкновенный аппетитъ и сестренка моя должно быть тоже, потому что оба мы разомъ раскрыли свои желтые широкіе рты и пропищали:

— Ма... ма... ку... шать!

— Такъ вотъ сейчасъ! улыбнулась мама. — Ну-ну! не горланить у меня! Ысть я вамъ сейчасъ дамъ... Здѣсь на счетъ пищи сторона куда привольная! Только вы все-таки приглядывайтесь, какъ я стану добывать «жратву» — самимъ вѣдь потомъ придется продовольствоваться.

Мама наша была женщина добрая, но изъ простыхъ, потому и употребляла иногда грубоватыя вы-

раженія въ родѣ «жратвы» и «горланить»... Она сейчас-же шагнула разъ, шагнула два и принялась своимъ крѣпкимъ носомъ отдирать мохъ съ боку одной изъ сосѣднихъ кочекъ. Тамъ, подъ мокрымъ слоемъ кудряваго моху, оказалось множество жирныхъ, сочныхъ, аппетитно такъ извивающихся червей, и мы сейчас-же получили, каждый поровну, по чрезвычайно лакомому кусочку, при чемъ и мама наша сама позавтракала, мимоходомъ проглотивъ съ полдюжины червей и одну, нечаянно подвернувшуюся подъ ея клювъ, маленькую зеленую лягушку.

Солнышко, да на сытое брюшко скоро пригрѣло насъ, и мы, сдвинувшись вплотную, сладко задремали, какъ вдругъ шумъ и свистъ большихъ, широко машущихъ крыльевъ разогнали нашу дремоту.

Громадный журавль, пепельно-сѣрый, съ бѣлымъ подбоемъ внизу, съ черной, лоснящейся шеею, чернымъ хвостомъ, ярко-краснымъ полудугами надъ бровями и съ роскошнымъ, висячимъ назадъ султаномъ на головѣ, тычкомъ, съ разлета усѣлся около самой нашей кочки и проговорилъ:

— А вотъ и я!

Это и былъ нашъ папа.

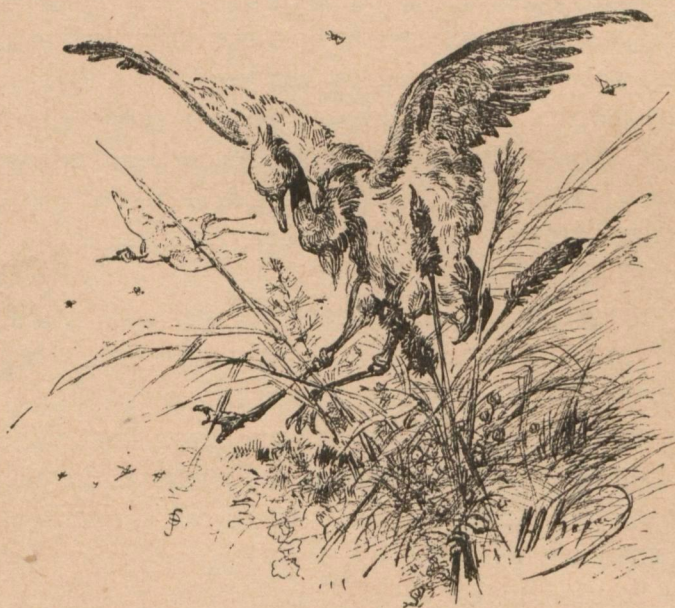
Ага! замѣтилъ онъ насъ. — Вотъ они какіе молодцы... Эко уроды! нечего сказать... Сыновья?

— Одинъ сынокъ, а то дѣвочка, дочка... Да ты только посмотри какая!.. вся въ покойницу бабушку! не безъ гордости отвѣтила наша мама и вторично принялась за opravку нашихъ взъерошенныхъ туалетовъ.

Папа показался намъ сначала не изъ особенно нѣжныхъ; потомъ мы убѣдились въ его истинно-отеческой любви къ намъ, доходящей даже до геройства, но

такъ безъ надобности, онъ не любилъ нѣжничать и, вполнѣ довѣряя насъ мудрости и опытности своей супруги, занимался исключительно общественными дѣлами, не вмѣшиваясь въ наше, такъ сказать, начальное воспитаніе.

Вотъ и теперь, для перваго визита, онъ только потолкалъ насъ поочередно клювомъ, словно счетъ

провѣрилъ, одобрительно тряхнулъ хохломъ и, прискакнувъ на одномъ мѣстѣ, прокричалъ кому-то:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью!

Скоро, въ отвѣтъ на его возгласъ послышалось старческое, хрипловатое: «поздравляю»!.. и, раздвигая осоку между кочекъ, появился еще одинъ взрослый журавль, очень уже старый, хотя шагавшій довольно еще бодро и съ увѣренностью.

— Ранниі! проговорилъ гость. И, тоже перетолкавъ

насъ носомъ, добавилъ: — Нынче, слава Богу, весна теплая... Повсемѣстно ожидаются раннія выводки... Вотъ подростутъ, окрѣпнутъ какъ слѣдуетъ къ «перелету», — не будетъ такой убыли въ молодежи какъ въ прошлый годъ.

Маменька наша печально вздохнула при этомъ и проговорила:

— Да я тогда тоже обоихъ потеряла. Съ дунайскихъ гирль валиться стали... Послѣдняго уже на Балканскомъ кряжѣ бросили... Не хватило силенокъ эво какую путину отмѣрить... Совсѣмъ тогда бабы наши обездѣтили!

Какой такой «перелетъ», какія дунайскія гирла, что это за штука, кряжъ Балканскій... наконецъ — почему тѣ дѣти не выдержали, а на насъ надѣются? все это для насъ, новорожденныхъ, была загадка сущая, а такъ какъ въ эту минуту, мимо самыхъ нашихъ носовъ, ползъ, съ трудомъ перелѣзая черезъ смятые стебли, широкій, плоскій черный жукъ съ длинными усами, то онъ больше заинтересовалъ наше вниманіе, чѣмъ серьезные разговоры старшихъ, и мы, не безъ страха, наблюдали ползущее чудовище, косившееся на насъ весьма подозрительно своими гранеными, блестящими глазами.

Старика журавля, нашего сосѣда звали «Долгоносъ-Всезнайка». Онъ былъ безсемейный, но дѣтей любилъ очень, особенно насъ, какъ членовъ семьи своего лучшаго друга «Горлана-Трубача»... такъ звали нашего папашу.

Онъ каждый день, а такъ по нѣскольку разъ навѣдывался къ нашему гнѣзду, помогалъ матери, болталъ по вечерамъ съ отцемъ о старинѣ, вмѣстѣ вытанцовывалъ вечерній привѣтъ заходящему солнцу... и часто ночью, когда приходилось зачѣмънибудь просыпаться, я ясно видѣлъ черный силуэтъ нашего

старого друга, неподвижно торчавшаго на часахъ, на ближайшей, самой высокой кочкѣ.

Его звали Всезнайкой не даромъ... Онъ, дѣйствительно, зналъ все, что слѣдуетъ знать высокообразованному опытному журавлю; онъ даже больше зналъ, но не любилъ хвастаться своею ученостью и рассказывалъ свои похождения всегда кстати и толково, не то что другой журавль «Верхоглядъ» (сосѣдъ слѣва, съ девятой кочки) всего только два перелета совершившій на своемъ вѣку, а уже трубящій на все болото о своихъ подвигахъ, вѣчно повторяя одинъ случай, когда ему привелось, гдѣ-то въ Египтѣ, цѣлыхъ полчаса просидѣть на золотой крышѣ высокаго минарета, въ самомъ центрѣ большаго люднаго города.

Кстати о людяхъ:

Какъ-то утромъ отецъ нашъ замѣтилъ своему другу: что это, молъ, тотъ не спитъ, а караулитъ по ночамъ?..

— Въ нашей сторонѣ, говорилъ отецъ — Слава Богу, «людей нѣтъ», значитъ — все чисто, честно и покойно.

— Нѣтъ пока, да скоро будутъ, отвѣчалъ Долгоносъ-Всезнайка. Дня три тому назадъ я видѣлъ дымокъ вонь въ той сторонѣ, а вчера бычокъ съ колокольчикомъ подходилъ къ большому озеру... Значитъ близко.

— Мужички что-ли? — переспросилъ отецъ.

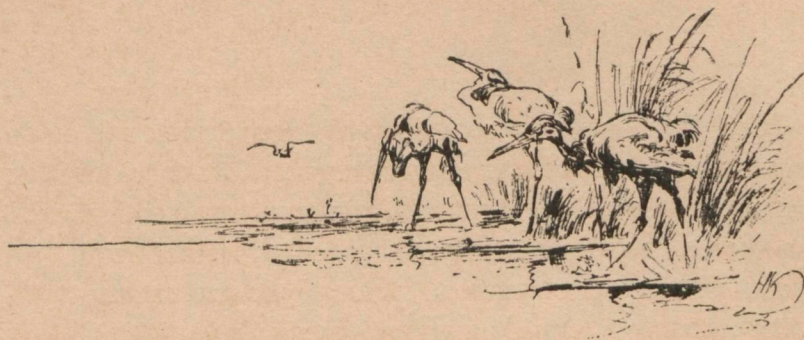
— Они самые будутъ... Пастухи — человѣкъ съ пятюхъ и собакъ съ ними пары три наберется.

— Ну эти не тронутъ! замѣтила мама. Эта мелкота! У нихъ и снаряду дальнебойнаго нѣту... Вотъ тамъ, дальше на полдень, живутъ изверги, настоящіе разбойники... А эти, супротивъ тѣхъ, настоящіе ягнята безобидные...

— Лѣтось и сюда впрочемъ навѣдывались — съ самополами своими — да у насъ топко.

Все, что теперь говорилось, все было для насъ загадочно и тайно, пока впрочемъ... Скоро, когда мы научились бодро шагать по кочкамъ, и даже дѣлать невысокіе взлеты, мы узнали и сами все это, въ ежедневныхъ прогулкахъ, подъ руководствомъ добраго стараго друга Долгоноса-Всезнайки.

II.

Дѣйствительно, мѣстность нашей родины была прекрасна! Да вотъ я лучше стану описывать ее по порядку.

Не только то, что видѣлъ нашъ глазъ съ точки нашего жилища, но гораздо дальше, хоть трое сутокъ лети во всѣ стороны, все разстилалась та же, покрытая кочками, прорѣзанная рѣками и озерами, равнина. «Всезнайка» объявилъ намъ, что равнина эта называется «большія Осташковскія болота». Теперь было начало лѣта, и всѣ болотистые разливы пестрѣли разнообразными цвѣтами... Ярко зеленые бархатныя лужайки красиво перемежались съ озерами и болотистыми топями и служили мѣстомъ веселыхъ сборищъ и паствы всевозможнымъ породамъ утокъ, гусей, куликовъ и прочей водяной собратьи... Иногда мы замѣчали и нѣсколько похожихъ на насъ журавлей птицъ, но только издали похожихъ: это были цапли, неопрятныя, прожорливыя и злыя птицы... Онѣ держались особнякомъ, поближе къ водѣ и ловко вылавливали тамъ зазѣвавшуюся рыбку. Въ укромныхъ мѣстахъ такихъ, чтобы никому со стороны не было

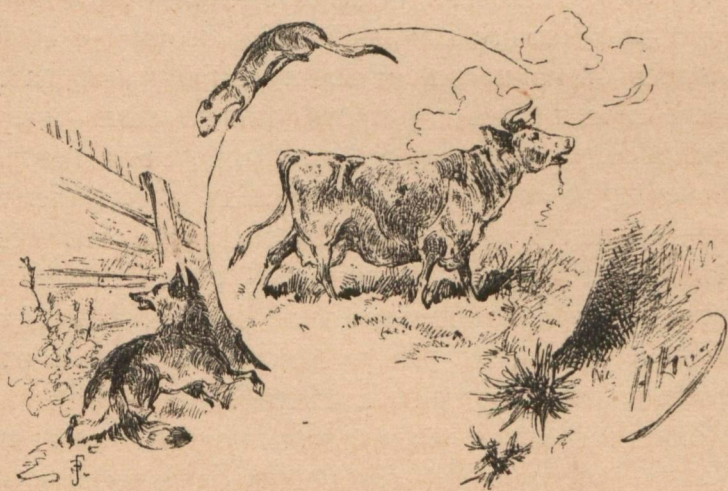
замѣтно, расположились цѣлыя поселки гнѣздъ и вездѣ копошились и попискивали крохотныя желтенькіе дѣтеныши. Рядомъ съ нашимъ журавлинымъ селеніемъ — скучилась деревня — сѣрыхъ утокъ «кряквъ» и ихъ дѣти, а ихъ было ужасно много, заходили къ намъ безъ боязни; наши ихъ не трогали, зачѣмъ обижать!?... напротивъ даже, наши часовые заодно оберегали и сосѣдей... Гдѣ же тѣмъ нести настоящую военную службу!... По вечерамъ, когда наши журавли собирались вмѣстѣ поболтать да посовѣтываться другъ съ другомъ, а потомъ и поплясать компаніей, и кряквы важно въ раскачку выползали изъ осоки — и охотно дѣлились съ нами своими впечатлѣніями дня, разсказывали свои и бѣды, и радости, только одно скверно: ужасно сплетничали другъ на друга, хотя казалось, что между ними идетъ полный ладъ и согласіе.

— «Всезнайка» объяснилъ мнѣ, что это всегда такъ бываетъ: — всѣ сплетники — большіе лицемѣры; а это крупный недостатокъ во всякой порядочной птицѣ, и что, слава Богу, между журавлями этого порока до сихъ поръ не замѣчено.

Дни свои мы проводили обыкновенно такъ: проснувшись съ утренней зарею, мы отряхивались, расправляли крылья, приплясывая при этомъ, чтобы нѣсколько размять затекшія во время сна ноги, а онѣ у насъ выросли предлинныя... Затѣмъ тотчасъ-же отправлялись на легкую прогулку, иногда съ папою и мамою вмѣстѣ, а чаще съ нашимъ старымъ другомъ... Во время прогулки мы знакомились со свѣтомъ, слушая разсказы и объясненія дядьки, а кстати и завтракали, очень даже аппетитно, потому что на кочкахъ стала уже поспѣвать черника, брусника и превкусная, хотя еще не покраснѣвшая клюква... Иногда мы такъ увлекались этими прогулками, что возвращались домой уже совсѣмъ къ вечеру, какъ разъ

было къ началу совѣщательно-танцевальнаго собранія. Родители наши не беспокоились нашимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, вполне увѣренные въ мудрости и предусмотрительности «Долгоноса-Всезнайки»... хотя мама всегда требовала, чтобы мы рассказали ей о всемъ видѣнномъ за день и слышанномъ.

Мы скоро сами научились понимать, гдѣ можно ожидать опасность и въ какомъ видѣ; мы начали уже распознавать друзей отъ враговъ, а вѣдь это такъ важно въ жизни... Мы, на примѣръ, поняли, что гро-

мадные, страшные такіе на видъ, быкъ и корова, съ длинными, острыми рогами, вовсе не опасны, хоть садись къ нимъ на спину, а что этотъ подлый, маленький, юркій и красивый хорекъ и еще — тоже красивая съ виду, но презлая красновато-сѣрая лисица — большіе разбойники и страшные враги не только птичьихъ яицъ, но даже самихъ птицъ, особенно молодыхъ, выводочныхъ...

— Потому-то, говорилъ намъ «Всезнайка», вы вѣроятно замѣтили, что всѣ птицы здѣсь построили себѣ гнѣзда вдалекѣ отъ сухихъ мѣстъ, такъ что ни

съ одной стороны къ нимъ нельзя подобраться ли-
хому звѣрю безъ риска, мало того, промочить на-
сквозь свою щегольскую шубку, но даже и совсѣмъ
потонуть въ жидкой трясинѣ... Узнали мы еще и
другихъ враговъ, горше первыхъ — это были орлы и
ястребы... Они высоко рѣяли въ воздухѣ надъ са-
мыми нашими головами и потомъ разомъ, камнемъ
валились внизъ, поднимаясь снова, но уже съ добы-
чею въ когтяхъ: съ бѣднымъ куличкомъ, или чиркомъ,
или молодымъ гусенкомъ... Появленіе этихъ хищни-
ковъ всегда вызывало большую тревогу въ птичьихъ
селеніяхъ; подымался страшный гвалтъ, маменьки рас-
правляли крылья и прятали подъ нихъ дѣтей, муж-
чины грозно шипѣли и топорщились, а наши храбрые
журавли трубили звонко тревогу и принимали такіа
грозныя позы, что часто это помогало въ серьезъ, и
хищникъ не рѣшался спускаться, замѣтивъ съ высоты
эти боевыя приготовленія.

Изъ вечернихъ разсказовъ прочихъ журавлей я
слышалъ, что людей нельзя считать въ числѣ породъ,
дружески расположенныхъ къ намъ, птицамъ (да и
не къ однимъ птицамъ, въ чемъ я скоро воочію убѣ-
дился, увидавъ впервые этихъ двуногихъ животныхъ).
Это случилось такимъ образомъ:

Пролетѣвъ какъ-то надъ большимъ озеромъ, мы
замѣтили на томъ берегу, на песчаной косѣ высокіе
столбы чернаго вонючаго дыма.

— Спускаться-ли? боязливо спросила моя сестренка.

— Отчего-же? — замѣтилъ Всезнайка... Мы здѣсь,
на самый песокъ, не спустимся, а вотъ туда подальше,
гдѣ растутъ эти кудрявые кустики... Тамъ мы уви-
димъ все, а сами не будемъ очень уже бросаться въ
глаза... Надо вамъ и тутъ приобрѣсти кое-какія по-
лезныя познанія...

Сказано — сдѣлано.

Мы спустились въ кусты и очень скоро хорошо разсмотрѣли небольшую группу людей, столпившихся у разложеннаго костра. Недалеко отъ нихъ пестрѣло въ жидкомъ ельникѣ стадо коровъ и овецъ... Десятка два худыхъ, малорослыхъ лошадокъ держались особнякомъ, постоянно неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ слѣпней и мошекъ...

Люди въ эту минуту, надо сказать, занимались пресквернымъ дѣломъ: они только что зарѣзали молодого барашка и теперь сдирали съ него шкуру... Алая кровь брызгала на песокъ, перепачкала имъ

руки, одежду и даже кое-кому лицо. Изверги эти были, должно быть, очень веселы: пѣли, смѣялись, одинъ даже приплясывалъ, хотя вовсе не граціозно. Около людей полукругомъ сидѣло нѣсколько собакъ, должно быть очень голодныхъ, потому что онѣ очень уже умильно смотрѣли на баранье мясо, распустивъ свои слюнявые красные языки.

— Ахъ, что они дѣлають? съ ужасомъ вскрикнула моя сестра и даже зажмурила глазки. — Разбойники!.. Эти хуже орловъ и ястребовъ!..

— Ну, нѣтъ несомнѣнно, замѣтилъ глубокомысленно Всезнайка. — Люди сами заботятся о своихъ животныхъ, выращивають въ теплѣ ягнятъ, холятъ ихъ, кормятъ, оберегаютъ отъ волковъ, а вотъ въ награду за свои попеченія пользуются ихъ мясомъ и шкурками, а орлы, тѣ заботятся только о себѣ и хватають чужое безъ разбора, тѣ живутъ разбоемъ, а эти, вишь ты, говорятъ «промысломъ». Послѣ, дѣти мои, вы узнаете, какая такая въ томъ и другомъ настоящая разница.

Только онъ это намъ сказалъ, какъ голодная стая собакъ должно быть замѣтила насъ и со свирѣпымъ лаемъ ринулась въ нашу сторону... Мы струсили порядкомъ и взлетѣли вереницею надъ кустами, далеко оставивъ позади нашихъ преслѣдователей.

— Имѣть сильныя крылья въ нашъ хищническій вѣкъ большое преимущество! замѣтилъ при этомъ нашъ добрый пастухъ, Долгоносъ-Всезнайка.

Съ вечерней зари—вплоть до восхода солнца, надъ болотами, словно звонящій туманъ, носились цѣлыя облака комаровъ и мошекъ. Насъ они ни мало не беспокоили: у насъ вѣдь отросли такія плотныя, щитками наплаивающіяся перышки, что не прокусить никакому комариному жалу, зато людямъ, коровамъ, лошадямъ, собакамъ и всякимъ пушнымъ звѣрямъ

отъ нихъ просто житья не было, особенно когда появились крупные сѣрые слѣпни и зеленыя мухи. Тогда только птицы однѣ и остались на своихъ мѣстахъ, а все остальное ушло куда-то далеко, вонъ за тѣ покрытыя лѣсами гряды холмовъ, чуть-чуть синѣвшіяся на западѣ... Пастухи наши тоже откочевали и въ нашемъ птичьемъ, болотномъ царствѣ стало совсѣмъ тихо и покойно.

Мы подросли уже очень замѣтно, почти стали одного роста съ папою и съ мамою, прочіе журавлята

тоже, — и собралось насъ молодежи превеселая и многочисленная компанія. Утятъ, гусятъ, вообще вся дѣтвора, давно уже оперились какъ слѣдуетъ, и изъ желтенькихъ смѣшныхъ шариковъ превратились въ настоящихъ птицъ. Стало какъ-то оживленнѣе на нашихъ болотахъ, словно населеніе ихъ ни вѣсть какъ увеличилось...

Кругъ прогулокъ нашихъ значительно расширился; мы могли въ одинъ часъ перелетѣть то, на что прежде и дня цѣлаго было много... Иногда мы такъ далеко залетали, что приходилось проводить ночь не дома, и мы научились спать, что называется однимъ глазомъ, выставляя дежурныхъ сторожей, смѣнявшихся по очереди. Въ одну изъ такихъ ночей намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной кровавой сцены, оставившей глубокій слѣдъ въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ. Только что мы сладко задремали, стоя полукругомъ на одной ногѣ и поджавъ подъ себя другую, какъ звонкія трубы сторожей заставили насъ проснуться и немедленно подняться на воздухъ. Тогда при свѣтѣ луны мы увидѣли слѣдующее: большая корова тяжело скакала по кочковатой равнинѣ и съ нею рядомъ ея теленокъ, обезумѣвшій отъ ужаса. За ними гнались четыре волка, воя и щелкая голодными зубами. Преслѣдователи были уже близко отъ несчастныхъ и смыкали свой кругъ, отрѣзывая дорогу къ отступленію.

— Отчего она такъ тихо скачетъ? съ тоскою спросила моя сестра, но тотчасъ же и сама поняла причину этой медленности. Мать могла бы спастись сама, но не хотѣла оставить своего бѣднаго, слабого ребенка...

Мы всѣ жалобно кричали, метались въ воздухѣ, хотѣли какъ-нибудь помочь бѣдѣ, но злые звѣри не обращали на насъ никакого вниманія и ринулись на несчастную маму, остановившуюся наконецъ и приготовившуюся къ отчаянному сопротивленію. Начался

А54293

Центральна Научна
БІБЛІОТЕКА при ХД

инв. №

бой — страшный, неравный... Одинъ только разбойникъ подвернулся подъ ударъ крѣпкаго коровьяго рога, зато трое остальныхъ вцѣпились зубами за шею и горло, повалили мирное животное, — и началось варварское пиршество, отъ котораго у насъ даже перья на головахъ поднялись дыбомъ.

— Недурно! прохрипѣлъ кто-то около насъ — этакъ и на мою долю крохотка останется...

Это оказалась большая остроглазая рысь, съ кисточками на ушахъ, прошмыгнувшая мимо своимъ неслышнымъ кошачьимъ пробѣгомъ и присѣвшая неподалеку отъ боя, въ ожиданіи остатковъ послѣ пиршества.

— Видите, какіе разные взгляды на одни и тѣ же событія бываютъ въ жизни, произнесъ нашъ наставникъ. — То, отчего мы пришли въ ужасъ, — этого бандита ушастаго радуетъ... Гибель одного даетъ жизнь — другому... Все какъ будто бы и законно, все правильно. А все-таки я очень радъ, что мы, журавли, принадлежимъ къ разряду птицъ травоядныхъ. Все какъ-то на совѣсти спокойнѣе!

«А червячки, а лягушенокъ?» Вспомнилось было мнѣ кое-что изъ прежде видѣннаго, но въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ настоящую минуту передъ нашими глазами, — эти червячки и этотъ лягушенокъ показались такою мелочью, о которой не стоило и разговаривать.

III.

Лѣто проходило быстро, почти незамѣтно... Позднѣе стало всходить солнце — раньше и раньше наступали вечернія сумерки. Да и ночи пошли теперь далеко не такія теплыя, какъ бывало прежде, а разъ утромъ такъ даже побѣлѣла роса, словно мелкою блестящею солью осыпало наши, теперь уже сплошь бурья, кочки. Мошки, комары, мухи злыя давно уже исчезли безъ слѣда, только крупные сѣрые оводы летали еще по одиночкѣ, да и то въ самый полдень, надъ пригрѣтыми солнцемъ мѣстами.

Дымки пастушьихъ костровъ снова появились на окраинахъ нашихъ болотъ, теперь уже гораздо ихъ было больше; куда не глянешь бывало, всюду чернѣютъ, заражая воздухъ сильною вонью... Вообще все предвѣщало начало рѣзкой перемѣны во всемъ окружающемъ «осени, а за нею длинной, суровой зимы», какъ говорилъ намъ нашъ другъ «Долгоносъ — Всезнайка». Имъ же первымъ былъ предложенъ на ве-

чернемъ совѣтъ вопросъ о перелетѣ, вопросъ, заставившій усиленно биться наши молодыя сердца, инстинктивно чувствующія весь интересъ предстоящаго намъ длиннаго, разнообразнаго путешествія.

На этомъ совѣтѣ всѣ согласились, что «пожалуй и пора», но пересчитавъ наличный составъ нашей колоніи, рѣшили, для увеличенія силъ, дожидаться партій съ сѣвера, пригласить ихъ отдохнуть денекъ въ нашихъ мѣстахъ и тронуться дальше уже всѣмъ вмѣстѣ.

— Большимъ войскомъ куда удобнѣе летѣть, рассказывалъ намъ нашъ наставникъ. — Во-первыхъ, веселѣй и легче на счетъ смѣны, а во-вторыхъ, на счетъ становища безобиднѣе... По пути станціи-то окажутся и занятыми иное время, на маленькой караванъ и не поглядятъ, спуститься не дадутъ, ну, а какъ силою идемъ, такъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, самъ убирайся куда знаешь!..

— Когда я залетѣлъ въ Каиръ (это въ Египтѣ), вставилъ тутъ и «Верхоглядъ» свое слово, то я былъ одинъ одинешенекъ... Между тѣмъ какъ и на золотой крышѣ сидѣло уже не менѣе тысячи голубей и ласточекъ; я, однако, не задумался ни одной минуты и прямо...

— Оставь! внушительно, но дружески остановилъ его нашъ папа, — это мы уже столько разъ отъ тебя слышали, что, пожалуй, будетъ больше чѣмъ число голубей и ласточекъ, разлетѣвшихся врозь отъ твоего смѣлаго появленія...

— Я вѣдь къ слову... смутился нѣсколько «Верхоглядъ», зашагалъ къ уткамъ, болѣе охотно слушающимъ обыкновенно его хвастливые рассказы.

Мы выбрали десятка два болѣе расторопныхъ журавлей и послали ихъ въ разныя стороны, чтобы выглядывали и сворачивали къ намъ перелетныя партіи для общаго сбора, и не прошло и трехъ сутокъ, ко-

гда на нашемъ становищѣ собралось такое журавлинное полчище, что на большомъ разстояніи всѣ кочки и луговинки были буквально усѣяны красивыми представителями нашей благородной породы.

Утки сосѣдней деревни собрались много раньше нашего и уже слетѣли въ путь, имъ вѣдь надо выгадывать каждый часъ времени, летаютъ онѣ куда тише нашего. Дупеля, бекасы и прочая мелочь поднялись еще раньше утокъ, и мы прощаясь съ ними, общались ихъ нагнать по пути и даже очень скоро...

Сняться съ мѣста мы порѣшили на ночь и весь день наканунѣ мы провели дома на отдыхѣ, не тратя силъ на бесполезныя прогулки. Тогда же мы сдѣлали расчетъ на треугольники, по тридцати журавлей въ каждомъ и учредили передовыя очереди, а также расчетъ караульной службы на стоянкахъ... Запасовъ дорожныхъ мы никакихъ не брали, не зачѣмъ было... Вѣдь все, — что будетъ нужно, мы найдемъ по пути, мѣстами въ изобиліи, мѣстами, положимъ и нѣтъ, но вѣдь въ большомъ такомъ путешествіи нельзя рассчитывать на одни только удовольствія.

День самый передъ слетомъ мы, молодежь, положительно провели въ состояніи самага безпокойнаго волненія и удивлялись равнодушію стариковъ, мирно и покойно дремавшихъ въ ожиданіи сумерокъ.

Какъ длиненъ показался намъ этотъ день, какъ безконечно лѣниво двигалось солнце, какъ скучно и уныло казалась намъ теперь наша когда-то милая, оживленная кормилица, болотная родина.

Солнце садилось такое красное, разливая по небу и по болотамъ зловѣщее пожарное зарево, въ воздухѣ была полная тишина; мы уже разбились на условные треугольники и ждали только сигнала къ поднятію... Стемнѣло...

Общимъ руководителемъ путешествія избранъ былъ единогласно Долгоносъ-Всезнайка, и первымъ долженъ былъ сняться нашъ треугольникъ, во главѣ котораго начать путешествіе долженъ былъ нашъ папа Горланъ-Трубачъ.

Ровно въ ту минуту, когда послѣдняя точка солнца исчезла въ темной мглѣ на горизонтѣ, — раздался рѣзкій трубный сигналъ предводителя, дружно подхваченный сотнями остальныхъ трубъ, и нашъ треугольникъ не подымаясь сразу очень высоко, съ разбѣга, сначала низомъ, надъ самыми кочками, потомъ все выше и выше, — полетѣлъ плавно, въ тактъ, не горячася взмахивая своими крыльями. Мы летѣли, согнувъ слегка шеи, вытянувъ прямо носы, свободно откинувъ назадъ свои длинныя ноги, и направляли свой полетъ такъ, чтобы задніе не выходили изъ струи разсѣкаемаго передними воздуха, почему, конечно, заднимъ было гораздо легче; а чтобы труды путешествія раздѣлялись равномѣрно, для того и были заранее опредѣлены смѣнныя очереди передовиковъ, о которыхъ я говорилъ раньше.

Чѣмъ выше мы поднимались къ небу, тѣмъ темнѣе и темнѣе становилось тамъ внизу... Только озера и протоки свѣтились еще своими неясными, окутанными туманомъ очертаніями, да слабо искрились, подслѣповато моргая, огоньки людскихъ становищъ и чуть чуть доносились унылые звуки ихъ пѣсенъ, лай собакъ и отдаленное вытье проголодавшихся волчьихъ стай, очевидно подбирающихся къ скотскимъ загонамъ, но скоро и это все перестало достигать нашего слуха и только равномѣрный, могучій взмахъ нашихъ крыльевъ, да свистъ разсѣкаемаго холодного воздуха нарушали глубокую тишину длинной осенней ночи.

Минута была торжественная! У насъ, у молодежи, захватывало духъ, слово не наворачивалось на болтли-

вый языкъ, всѣ мысли, все вниманіе устремлено было только на то, чтобы летѣть въ тактъ, равномерно, стройно взмахивая крыльями; смѣны передовиковъ производились также молча... А ночь стала такъ темна, что не только другихъ треугольниковъ, но даже своего всего мы не могли видѣть, какъ не напрягали наше, непривыкшее пока къ темнотѣ, зрѣніе.

Усталости мы, казалось, не чувствовали вовсе, и только къ разсвѣту, когда на востокѣ засвѣтлѣла утренняя заря, мы замѣтили, что крылья наши стали какъ будто гораздо тяжелѣе, ноги уже не держались на отлетѣ назадъ и носы, словно къ концамъ ихъ по камню было привязано, невольно опускались внизъ, оттягивая наши дремотныя головы...

Пора было думать объ отдыхѣ, и вотъ снова раздался призывный сигналъ Долгоноса, по которому мы, также плавно, въ порядкѣ стали спускаться на землю, на новыя мѣста, не виданныя еще нами ни разу.

— Я не могъ сообразить — много-ли мы пролетѣли за эту ночь; сравнивая съ обыкновенными нашими перелетами — прогулками, я полагалъ, что мы разомъ сдѣлали почти то же, что дня въ три продѣлывали понемногу. Эту мою догадку подтвердилъ и нашъ папа, а ужъ онъ навѣрное не ошибался.

— Однако мы для перваго перегона порядкомъ отмахали! замѣтилъ онъ, оглядѣвшись внимательно на этихъ новыхъ мѣстахъ. — Что, дѣтвора, притомились — чай?

— Вотъ ужъ нисколько! пропищала моя сестра, но сію же минуту спрятала головку подъ лѣвое крыло и, приподнявъ правую ножку, сразу заснула самымъ крѣпкимъ сномъ, не обративъ даже вниманія на то, что какъ разъ подъ нею густо переплелись заросли превосходной, почти спѣлой клюквы.

Сколько я ни приглядывался къ этой новой мѣстности, я не находилъ пока ничего новаго и тоже предпочелъ немедленно послѣдовать примѣру сестры, такъ только, и то больше изъ подражанія старшимъ, ткнуть носомъ направо и налево.

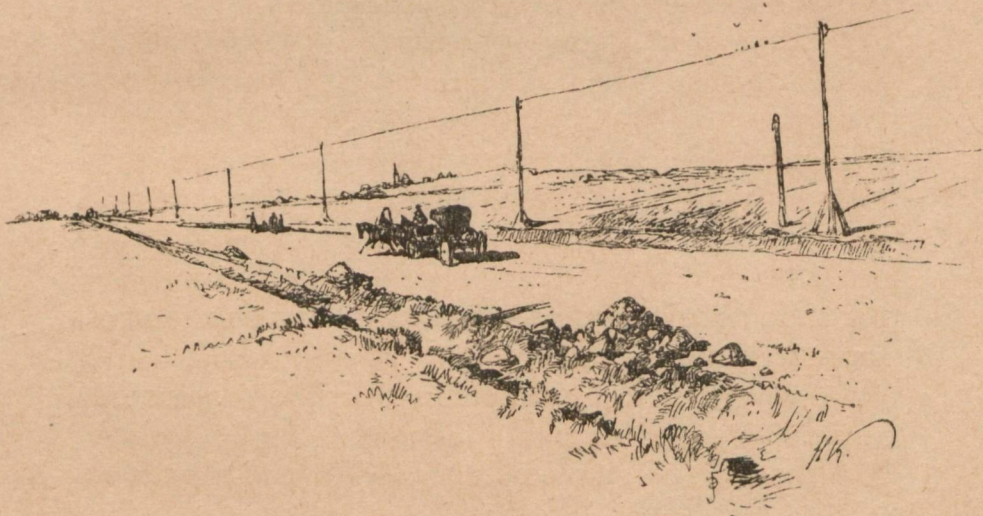

IV.

Спали мы недолго. Солнце еще не очень высоко поднялось надъ горизонтомъ, когда мы проснулись и, раскрывъ не безъ лѣни свои заспанные глазенки, не закрывали ихъ уже цѣлый день, — такъ ново и интересно показалось намъ все окружающее.

Опустились мы на небольшомъ болотцѣ, близъ веселой рѣчки, бойко бѣгущей между покрытыми кустарникомъ, чудными зелеными берегами... Невдалекѣ виднѣлась большая деревня. Окна новыхъ, украшенныхъ рѣзьбою избъ, весело играли на солнцѣ; за этою деревнею тянулись желтыя полосы крестьянскихъ полей, а на нихъ рядами, ну вотъ, такъ какъ и мы иногда становимся, — торчали кучами сложенные снопы хлѣба — «копны», какъ пояснилъ намъ Всезнайка, — «и копны такія, что не помѣшало-бы, при случаѣ, потыкать въ нихъ носами» — мы это потомъ сдѣлали и не напрасно!.. За полями шли небольшіе перелѣски,

то темные — еловые, то березовые, съ красивыми бѣлыми, точно серебряными стволами и пожелтѣвшею, уже осыпающеюся листвою... За перелѣсками опять деревни, и много даже; нѣкоторыя изъ нихъ съ церквами, — высокими такими, бѣлыми башнями, съ золотыми крестами, на свѣтло-зеленыхъ круглыхъ куполахъ. Отъ деревни до деревни тянулись, извиваясь между полей и лѣсковъ, сѣрыя полосы дорогъ, а одна дорога была широкая, особенно длинная, безъ конца просто; тянулась она все напрямикъ, и по бокамъ у нея торчали тонкіе шесты, съ натянутыми на нихъ проволоками... намъ все это очень подробно поясняли нашъ бывалый дядька, онъ даже называлъ какъ такія дороги называются, да я забылъ, не припомню никакъ... Такое смѣшное названіе!.. Вотъ еще: — мы замѣтили, что когда телѣжки, запряженные лошадыми, катились по маленькимъ дорожкамъ, то ихъ почти и слышно не было, а какъ только онѣ сворачивали на большую, такъ принимались гремѣть и стучать такъ громко, что намъ даже издали, сначала конечно, страшно становилось.

Здѣсь лю-
дей было
куда боль-
ше, чѣмъ

на нашемъ прежнемъ родномъ становищѣ; вездѣ пестрѣли ихъ бѣлыя рубахи и красныя платки на головахъ у женщинъ... И какіе они всѣ говорливые! Скотины было тамъ очень много!.. Въ какихъ-нибудь двадцати взмаховъ крыльевъ — около насъ паслось стадо, позванивая своими бубенчиками — и я отлично замѣтилъ маленькаго чумазаго пастушенка, который, засунувъ въ ротъ кусокъ хлѣба и волоча по землѣ свой длинный веревочный кнутъ, глядѣлъ въ нашу сторону весьма подозрительно.

— Однако, въ прошломъ году здѣсь было много

посвободнѣе! произнесъ, обращаясь къ папѣ, Долгонось-Всезнайка.

— За дѣтьми не углядишь, въ такой сумятицѣ! замѣтила и наша мама.

Папа-же отрѣзалъ коротко:

— Надо перебираться!..

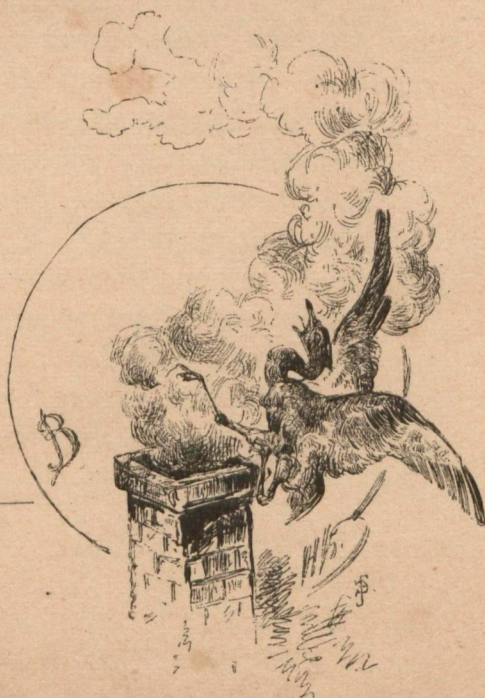
И старики, посовѣтывавшись немного между собою, собрали весь треугольникъ, и мы, не стройнымъ, путевымъ порядкомъ, а за-просто, гдѣ летомъ, гдѣ скокомъ перевалили на тотъ берегъ рѣчки и, перелетѣвъ березовую рошу, опустились на другой, уже сухой луговинѣ, гдѣ, все-таки, было нѣсколько уютнѣе и не такъ на юру, какъ прежде.

Здѣсь мы нашли другой треугольникъ съ Верхоглядомъ. Этотъ молодецъ, какъ намъ рассказывали не безъ улыбокъ, чуть было не поплатился головою — за свои продѣлки... Онъ, видите-ли, узналъ, что всѣ великіе путешественники имѣютъ обыкновеніе оставлять въ интересныхъ мѣстахъ слѣдъ своего пребыванія. Вотъ онъ и спустился, пользуясь тѣмъ, что народъ еще не совсѣмъ проснулся, на печную трубу избы, какъ онъ говорилъ, самого волостнаго старшины, и только что опустилъ въ жерло носъ, чтобы написать свою фамилію, какъ вдругъ изъ трубы повалилъ густой дымъ; Верхоглядъ задохнулся, и чуть-чуть было не шлепнулся внизъ, во дворъ, гдѣ уже ждали его большая, косматая собака и баба съ длинною палкою...

— А все-таки и я букву В успѣлъ написать!.. хвастался «великій путешественникъ».

Ему нельзя было не повѣрить, такъ какъ провѣрять его подвигъ охотниковъ не оказалось.

Заклюй меня орелъ и проглоти самъ крокодилъ, если этотъ молодецъ не погубить когда-нибудь весь треугольникъ! сказалъ нашъ папа, Горланъ.

— А, что это такое крокодилъ, папаша? полюбопытствовала сестренка.

— Крокодилъ... это... А вотъ сама увидишь!.. отдѣлался отъ прямого отвѣта папаша.

— Крокодилъ это, видите-ли, барышня... это такая злая и грязная скотина, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствующихъ. Но, тутъ, совершенно неожиданно, раздался громовой звукъ, блеснулъ огонекъ и по ельнику, словно цѣпляясь за темныя вѣтви, потянулось небольшое дымное облачко.

Дослушивать о крокодилѣ было некогда и мы, сорвавшись съ мѣста разомъ, однако не въ рассыпную, полетѣли безъ оглядки прочь и опустились уже далеко, въ получасовомъ разстояніи, отъ неожиданной опасности.

— Это, дѣти мои, возгласилъ Горланъ-Трубачъ, — обращаясь не къ намъ собственно, его дѣтямъ, а вообще ко всей молодежи нашей. — Это, что вы слышали сейчасъ, самое худшее на свѣтѣ... Это самая большая и серьезная опасность.. Всѣ цѣлы?

Долгонось-Всезнайка уже справился еще на лету и поспѣшилъ отвѣтить:

— Слава Богу!

— Что это такое однако?.. слышались молодые, встревоженные голоса.

— Это охотники! сказалъ намъ папа.

— Тоже люди, пояснилъ Всезнайка, только люди съ ружьями... И я вообще совѣтую всѣмъ — чуть, хотя бы издали, замѣтите такого — сейчасъ-же на утекъ... Вѣрнѣе будетъ!

— Однако, кто-же былъ на караулѣ? надо разслѣдовать — чья была очередь? слышались недовольные голоса стариковъ.

Оказалось, что на караулѣ былъ Верхоглядъ — и бѣдный, великій путешественникъ тутъ-же получилъ

весьма изрядную встрепку... Намъ съ сестрой стало даже его жалко.

— Примѣръ строгости необходимъ! Дисциплина во всякомъ дѣлѣ есть первое дѣло, хотя никого изъ насъ и не задѣло, то во всякомъ случаѣ зѣвакъ Верхогляду досталось за дѣло.

— И вы думаете, что это стихи? пожалуй помя-

тымъ крыломъ Верхоглядъ. Наборъ риѣмъ и избитая мораль — больше ничего!..

Онъ презрительно поглядѣлъ на журавля-импровизатора и, встряхнувшись, пошелъ достаивать свой сторожевой постъ.

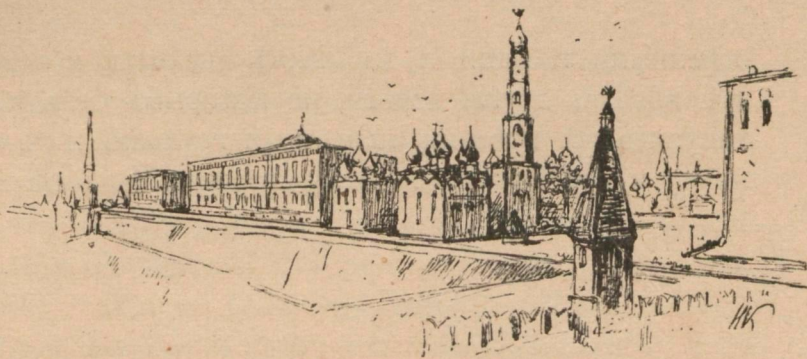
Этотъ день мы рѣшились провести на отдыхъ и даже всю слѣдующую ночь, въ виду того, чтобы уже потомъ — летѣть съ утра и до заката солнечнаго, а не ночью.

— По люднымъ мѣстамъ — этакъ-то будетъ удобнѣе! рѣшили старики.

Въ продолженіе дня мы нѣсколько разъ мѣняли мѣста стоянки и на ночь перебрались опять на новое мѣсто на сжатыхъ хлѣбныхъ поляхъ, гдѣ люди не успѣли свезти одного ряда заманчивыхъ копнушекъ. Мы именно имѣли въ виду это обстоятельство... Хотя эти наши замыслы, немедленно приведенные впрочемъ въ исполненіе, и щекотали непріятно нашу молодую совѣсть, но старики успокоили насъ, объяснивъ, что это хищеніе есть единственный родъ мести людямъ за ихъ уже ничѣмъ не оправдываемое покушеніе на наши головы.

— Вѣдь, вы знаете, господа, говорилъ Всезнайка, усердно теребя роскошный ячменный снопокъ — люди насъ тоже ѣдятъ — и, мало того, предварительно еще вымачиваютъ въ уксусѣ...

Ночь прошла совершенно благополучно.

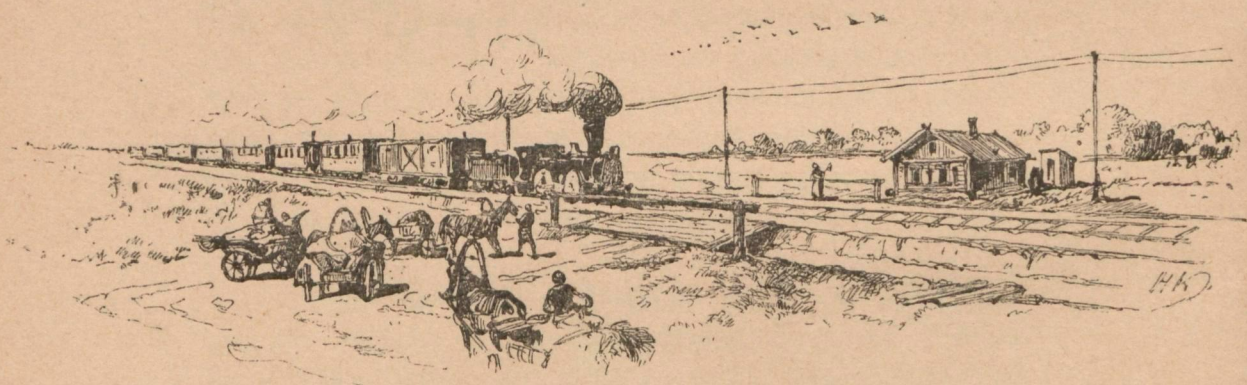

V.

Впечатлѣнія этого дня нашего путешествія были такъ новы, такъ богаты, что ихъ забыть не было возможности. Но впрочемъ по порядку:

До разсвѣта поднявшись, мы летѣли понизью, чуть не задѣвая ногами за вершины елокъ, но чуть только забрезжилъ свѣтъ, какъ мы стали подниматься выше и выше и съ каждымъ взмахомъ нашихъ крыльевъ передъ нами все роскошнѣе, все разнообразнѣй развертывалась чарующая картина — мы перелетали какую-то очень широкую рѣку — видѣли мѣстами церкви и человѣческія жилища, не вытянутыя рядами какъ прежде, а занимающія большія пространства, мы видѣли прямые, какъ стрѣлы, дороги, по которымъ съ громомъ и грохотомъ катились цѣлые дома на колесахъ, и тащило ихъ впереди страшное чудище съ

огненными глазами и длиннымъ дымнымъ хвостомъ. Мы видѣли другія дороги, по которымъ безъ конца тянулись все повозки, шли люди группами и въ одиночку и все больше въ одну сторону. Мы видѣли, но

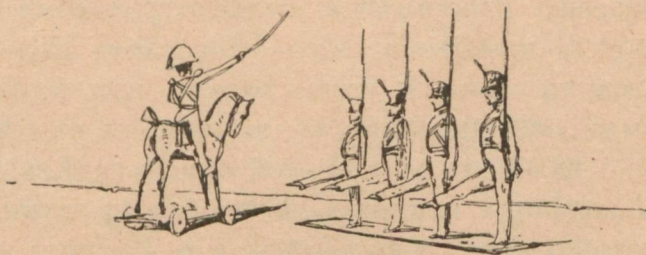

все это было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, когда, уже около полудня, передъ нашими глазами раскинулся громадный городъ, чуть не сплошь, сверкающія золотыми куполами, безчисленныя церкви, — одна другой краше. Городъ этотъ расположенъ былъ на громадныхъ холмахъ, и почти пополамъ его перерѣзывала рѣка, извиваясь красивою дугою. Черезъ эту рѣку мѣстами перекинута были мосты, словно ниточки, связывая разрозненныя половины. Между массами каменныхъ зданій, зелеными, даже уже значительно пожелтѣвшими группами виднѣлись красивые сады; безчисленные улицы и переулки казались съ высоты хитро сплетенною сѣткою. Тысячи тысячъ народа толпились на этихъ улицахъ — говоръ и стукъ колесъ долетали даже до нашего слуха, но звукъ, чудный гармоничный звукъ, давно уже занимавшій наше вниманіе — теперь

цариль надо всѣмъ, наполнялъ свѣжій осенній воздухъ и точно подлаживался подъ мѣрные взмахи крыльевъ нашихъ соединенныхъ треугольниковъ.— Этотъ звукъ былъ повсемѣстный колокольный благовѣстъ.

— Какъ это весело, какъ это красиво! безпрестанно твердила моя сестренка и даже закрывала иногда свои глазки... должно быть отъ избытка удовольствія.

Представьте-же себѣ мое удивленіе, когда я на одной изъ городскихъ площадей замѣтилъ нашихъ... то-есть такихъ-же какъ и мы журавлей, которые, вы-

тянувшись въ рядъ, стояли неподвижно на одной ногѣ, поджавъ кверху другую!..

Я тотчасъ-же сообщилъ свое открытіе сосѣдямъ, что тотчасъ-же пошло по рядамъ далѣе, дошло наконецъ до папы, — и я отчетливо, несмотря даже на колокола, услышалъ его хохотъ, а также и замѣчаніе Всезнайки.

— Это не журавли—это солдаты.

— А, что такое солдаты? раздалось сразу нѣсколько молодыхъ голосовъ.

— Солдаты—это то же люди съ ружьями, но съ ружьями, менѣе для насъ, птицъ, опасными.

— Зачѣмъ-же они стоятъ по нашему? полюбопытствовала сестренка.

— Хорошему примѣру отчего-же не послѣдовать!.. замѣтилъ Всезнайка.

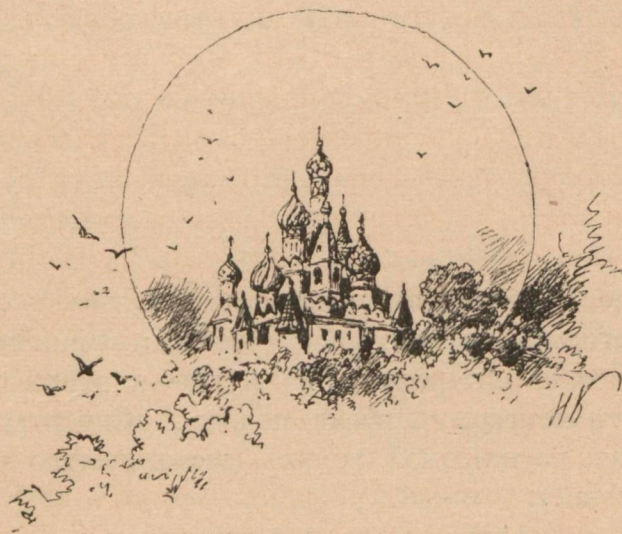
А тѣмъ временемъ мы очутились надъ самою серединою города — нашъ мудрый наставникъ сказалъ намъ названіе его, да, хотя у меня и очень хорошая память, а это названіе я забылъ. Да вотъ я опишу одну изъ его главныхъ примѣтъ, можетъ быть вы по ней угадаете? Слушайте!

Средній холмъ былъ опоясанъ широкою зубчатою стѣною съ разнообразными башнями. Эти стѣны спускались почти къ самой рѣкѣ, и у ихъ подножія зеленѣли ровные скаты, поросшіе деревьями. Въ серединѣ огороженнаго пространства высился громадный домъ съ золотою крышею и около этого дома тѣснились безчисленныя золотыя главы церкви, изъ которыхъ одна была особенно высокая, — выше всѣхъ въ городѣ, и именно изъ-подъ купола этой церкви гудѣлъ самый громкій колоколъ, покрывая своимъ басомъ звуки прочихъ колоколовъ, словно нашъ папа Горланъ, когда на совѣщаніе хочетъ добиться, чтобы всѣ его слушали...

Однако какъ не великъ былъ городъ, но все-таки мы его очень скоро перелетѣли и до ночи успѣли много еще видѣть и тамъ и сямъ — разныхъ городовъ по меньше, разныхъ диковинъ и всего прочаго — и тогда только мнѣ пришла въ голову мысль сравнить наши родныя болота со всѣмъ, что теперь у меня передъ глазами... Ахъ какое невыгодное сравненіе вышло для нашихъ скучныхъ болотъ... Фи!.. Положимъ, говорятъ — родина... Но что такое родина? Случайное мѣсто извѣстной случайности... Почему она можетъ быть дорога, почему мила?.. Когда здѣсь каждая точка, каждое мѣстечко было несравненно красивѣе и пріятнѣй... Не понимаю!..

— А вотъ послѣ поймешь! — замѣтилъ одинъ изъ

старых журавлей... и мнѣ стало очень стыдно. Не потому стыдно, что, какъ оказалось, я мечталъ вслухъ, но потому, что у меня въ сердцѣ говорило что-то будто я, мало того — что мечталъ вслухъ, но и довольно глупо...

VI.

Перелетъ этого дня показался намъ гораздо короче предыдущихъ, но это только казалось: слишкомъ уже много было интереснаго на пути—и этотъ живой интересъ сокращалъ время похода... Спустились мы къ ночи, на широкой полянѣ, среди густаго осинового лѣса...

Здѣсь царствовала полная тишина.

Ближайшее человѣческое жильѣ находилось, по свѣдѣніямъ развѣдчиковъ, не ближе трехъ верстъ, а со стороны дороги мы были скрыты совершенно густыми зарослями. Болотистый ручей пересѣкалъ поляну,—и только что первые изъ нашего треугольника коснулись земли, какъ съ обоихъ его береговъ тревожно сорвались стаи мелкихъ куличковъ, раньше насъ занявшихъ это мѣсто для ночлега.

Папа поспѣшилъ ихъ успокоить и просилъ

остаться покойно ночевать совмѣстно, что видимо обрадовало эту мелкоту и вызвало выраженіе крайней, съ ихъ стороны, признательности.

— А мы думали обогнать васъ гораздо дальше къ югу! — обратился къ нимъ Долгоносъ.

— Да вѣдь куда торопиться! — отвѣчалъ одинъ изъ куличковъ. Время — лѣтнее, теплое, червя этого самага сколько хошь... Мы это полегонечку...

— Напрасно! — укоризненно замѣтилъ имъ нашъ путеводитель.

— Замѣшкаетесь въ дорогѣ; застанутъ холода, — перемерзнете... Вы откуда?

Куличекъ назвалъ какую-то мѣстность; Долгоносъ удивился.

— Эва!.. Да мы вчера только тамъ были... Давно-ли въ дорогѣ?

— Шестой день... Мы вѣдь полегонечку... Гдѣ намъ шибко-то!

— Однако, все-таки поторопливайтесь... Конечно вамъ не туда куда намъ... — замѣтилъ папа, гордо окинувъ взоромъ и нашу стаю, и сосѣдскую... Вы вѣдь въ дунайскихъ гирлахъ зазимуете, но если будете такъ прохладяться, то захватятъ васъ морозы въ степи — худо будетъ...

— Ахъ я помню одинъ ужасный случай съ дрофами... Самъ не видалъ, но мнѣ рассказывали, смѣшался «Верхоглядъ».

— Съ какими дрофами? — полюбопытствовала сестренка.

— Тоже птицы — и даже перелетныя птицы, баришныя... Такъ вотъ эти самыя птицы попались, благодаря неожиданному морозу, въ весьма печальное положеніе. Всю ночь, изволите видѣть, шелъ мелкій и теплый дождь и промочилъ ихъ до костей... а онѣ спали. Къ утру же морозъ, да какой!.. Крылья-то и

оледенѣли: ни развернуть, ни взмахнуть, а тутъ, откуда не возьмись — пастухи...

— Ну... у! протянули тревожные голоса слушателей.

— Тѣ отъ нихъ... куда тутъ!.. бѣгають зря, а тѣ ихъ палками да живьемъ въ полонъ...

— Бѣдныя!..

— Такое побоище разыгралось, и еслибы не я...

— А ты-то тутъ приче́мъ? расхохотался папа Горланъ.

Верхоглядъ смутился.

— А развѣ я сказалъ «я»... то-есть я хотѣлъ сказать: еслибы не солнышко, да не отогрѣло бы оно немного, всему табуну погибать пришлось бы безъ остатка... Это мнѣ рассказывали гуси, не мнѣ собственно, а моему двоюродному дядѣ... Помните знаменитаго Крутопляса, что два года провелъ въ плѣну и, несмотря, что ему каждую недѣлю подрѣзали крылья, все-таки ухитрился бѣжать, переодѣвшись собакою.

Ну тутъ уже и мы, дѣти, поняли, что рассказикъ заврался окончательно — и дружный смѣхъ прокатился по всему лагерю, эхомъ отражаясь въ стѣнахъ густаго осинника, задернутыхъ уже дымкою ночнаго тумана.

— Спать! раздался сигналъ предводителя... Спать!.. отозвались тамъ и сямъ голоса вождей!..

— Спимъ! отозвались десятки голосовъ — и столько же носовъ уткнулось подъ лѣвое крыло, быстро погружаясь въ успокоительный сонъ, полный грезъ о будущемъ, воспоминаній о впечатлѣніяхъ прошлаго... Слу...шай!... доносилось изъ сторожевой цѣпи.

— Слуша...ай! отражалось отъ неподвижныхъ стѣнъ еловаго лѣса... Слушай! замирало гдѣ-то уже очень далеко... и вновь начиналось — гораздо ближе...

Это перекликались наши, вѣрные своему долгу, бодрствующіе часовые.

VII.

ще было совсѣмъ темно, когда меня разбудилъ голосъ Долгоноса.

Нашъ предводитель отдавалъ какое-то приказаніе, и я слышалъ только послѣднія слова его рѣчи:

— Вернуться до разсвѣта, и съ такимъ расчетомъ, чтобы намъ поспѣть «въ горохи» до восхода солнца. Перелетъ небольшой, не болѣе полчаса... Смотрѣть въ оба!

Сестрица моя тоже слышала слово «въ горохи», и съ просонокъ сладко прищелкнула языкомъ. Я тоже невольно подхватилъ сорвавшуюся съ носа капельку слюны.

Дѣло въ томъ, что мы давно уже слышали о прелестяхъ «гороха», но только до сихъ поръ намъ не приходилось ни разу его попробовать.

Распоряженіе нашего всезнающаго, мудраго путешественника обѣщало намъ, наконецъ, этотъ вкусный, давно желанный завтракъ.

Конечно, ни мнѣ, ни сестрѣ уже болѣе не спалось.

Я видѣлъ, какъ два маленькихъ отряда нашихъ,

одинъ въ числѣ трехъ, а другой — пяти журавлей, поднялись съ поляны и скрылись въ темнотѣ.

Оба отряда развѣдчиковъ пока полетѣли по одному направленію.

Неугомонный Верхоглядъ полетѣлъ вмѣстѣ съ ними.

— А ты бы остался! крикнулъ ему папа.

— Напутаютъ, боюсь, безъ меня, отозвался нашъ волонтеръ.

— Ты смотри — не напутай!..

Сестра моя окончательно проснулась и шептала мнѣ на ухо:

— Ахъ!.. это... помнишь — говорила мама?.. «это» гораздо вкуснѣе ячменя.

— Я, знаешь... сообщилъ я ей свое предположеніе, — я сначала наѣмся, наѣмся такъ, чтобы уже больше было нельзя; потомъ набью себѣ, про запасъ, полный ротъ, за обѣ щеки... Какъ думаешь, какого вида этотъ горохъ?

Пока мы соображали, что такое за горохъ и какая у него внѣшность, возвратились первые наши посланные.

Они сообщили, что нынче горохи немного ближе къ деревнѣ, чѣмъ были въ прошломъ году, но зато со стороны человѣческаго жилья заслонены большими стогами сѣна, и если занять ихъ пока темно, то до восхода солнечнаго можно поживиться порядочно.

Скоро прилетѣли и остальные развѣдчики.

— А гдѣ Верхоглядъ? встревожился папа.

— Остался тамъ. Сказалъ намъ: вы летите, а я здѣсь постерегу.

— Эхъ — напутаетъ! подумалъ вслухъ Долгоносъ-Всезнайка... Подъемъ!

Какъ ни тихо мы поднялись, однако, встревожили порядкомъ своимъ отлетомъ мирно дремавшихъ куличковъ. Тронулись мы небольшими партіями, такъ какъ

для маленькаго перелета строиться въ треугольники не стоило, — и скоро въ воздухѣ запахло навозомъ и гарью печныхъ трубъ — вѣрнымъ признакомъ человѣческаго жилища.

Темныя силуэты косматыхъ, приземистыхъ избушекъ выросли на чуть бѣлѣющемъ горизонтѣ; ближе, нѣсколько въ сторонѣ, виднѣлись болѣе крупныя, темныя массы.

— Новые стога! шепнулъ, обращаясь къ папѣ, одинъ изъ развѣдчиковъ, опережая нашъ отрядъ... Сюда, ребята! Забирай лѣвѣе!

Мы быстро спускались...

Вдругъ я запутался ногами во что-то цѣпкое и съ размаха ткнулся носомъ въ землю.

— Легче! поддержалъ меня папа... Вотъ это оно самое и есть!

— Что — что?..

Сердце у меня забилося сильно — сильно... Я торопливо сталъ выпутывать свои ноги.

— Горохи!

Да, это были горохи! Это было нѣчто превзошедшее наше ожиданіе.

Длинные, спутанные стебли чуднаго растенія были сплошь усыпаны дозрѣвшими стручьями, полными превосходныхъ, сладкихъ зеренъ, иногда въ нихъ попадались и червячки, но особенно вкусныя, вкуснѣе даже самого гороха...

Оживленная шелкотня и цѣпкій шорохъ слышались кругомъ.

— Не накидываться! предостерегъ насъ Долгонось... Тише, не шумѣть! до солнца еще далеко... люди спятъ, собаки тоже... успѣемъ, не торопясь, наѣсться...

На стражѣ теперь стоялъ самъ нашъ предводитель. Онъ выбралъ мѣсто на вершинѣ стога, и мы

ясно видѣли всю его стройную фигуру на фонѣ предразсвѣтнаго неба.

Подъ такую надежную охраною, конечно, можно было наслаждаться дарами природы совершенно покойно.

Немного только смущало насъ отсутствіе Верховляда, его даже пробовали окликать въ темнотѣ, но отвѣта не получили.

Вдругъ со стороны деревни донесся до насъ жалобный крикъ, полный смертельнаго страха и отчаянія... Мы узнали голосъ нашего вѣтреннаго товарища.

Съ вершины стога слышался сигналъ тревоги. Вся журавлиная стая сорвалась разомъ и въ безпорядкѣ кинулась на зовъ папа:

— Сюда! за мною!..

Мы перелетѣли оврагъ, по дну котораго блестя струилась маленькая рѣченка и разсыпалась на той сторонѣ, въ кустахъ лозняка.

Стало между тѣмъ свѣтать. Такъ какъ въ настоящую минуту мы находились въ относительной безопасности, то рѣшено было выждать утра и возможности узнать что-нибудь объ участи нашего бѣднаго товарища. Не бросать же его, въ самомъ дѣлѣ, не испробовавъ какихъ либо мѣръ ко спасенію.

Въ деревнѣ между тѣмъ поднималась тревога. Тамъ, то сямъ въ окнахъ зажигались огни; собаки громко лаяли, перекликаясь и, повидимому, собираясь въ одно мѣсто; ворота скрѣпя отпирались, и оттуда, тяжело переступая не убранныя подворотни стали выходить коровы и лошади... Черныя, курчавыя овцы выкатывались на улицу, словно шарики, съ веселымъ, звонкимъ блеяніемъ... Дымъ повалилъ изъ трубъ... заскрипѣло колодезное колесо, появились дѣти и бабы, кутаясь въ полушубки, почесываясь и лѣниво зѣвая въ руку.

Разсвѣтало быстро... и подъ синею зубчатою стѣною еловаго лѣса блеснули золотыя пятна свѣта, предвѣстники солнечнаго восхода.

Когда стало совершенно свѣтло, то на маленькомъ совѣтѣ рѣшено было послать двухъ опытныхъ и особенно зоркихъ журавлей, — подняться повыше, надъ деревней и рассмотреть что тамъ дѣлается.

Папа Горланъ полетѣлъ самъ.

Мы слѣдили за отлетавшими съ самымъ живымъ, лихорадочнымъ интересомъ...

Вотъ они высоко, остановились словно неподвижные кресты, надъ центромъ деревни, ярко освѣщенные снизу лучами солнца, вотъ описали большой кругъ и, медленно, опустивъ книзу носы, пролетѣли надъ улицей, слѣдя за ея изгибами, вотъ спустились низко-низко, такъ что намъ даже страшно за нихъ стало... и снова стремительно взвились ввысь... еще разъ пролетѣли надъ улицей, въ другомъ мѣстѣ спустились, снова поднялись и направились къ намъ.

— Что-то скажутъ!?

Не веселыя вѣсти принесли вернувшіеся съ рекогносцировки. Что собственно случилось съ бѣднымъ Верховлядомъ, они сказать не умѣли; видѣли только, что передъ воротами поповскаго дома собралась большая толпа, а изъ сарая кто-то кричалъ, требуя веревки и ножницъ.

— Шабашъ! раздался межъ нами чей-то голосъ.

— Дѣло дрянъ! согласился другой.

— Веревка... ножницы... о, эти штуки скверныя!... съ ними не шутятъ.

— Друзья мои! произнесъ, хотя и печально, но твердымъ голосомъ, нашъ предводитель. — Времени терять нельзя! Теперь нашего легкомысленнаго собрата можетъ спасти только самъ Богъ, мы безсильны оказать ему помощь. Да послужить вамъ всѣмъ этотъ

печальный случай примѣромъ и предостереженіемъ.
По треугольникамъ стройся! — съ Богомъ.

И мы съ болью въ сердцахъ, хотя и съ переполненными горохомъ желудками, тронулись въ путь, размышляя о непрочности счастья вообще и журавлинаго въ особенности.

